

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И
ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ НА УРОВНЕ СИСТЕМЫ
ЯЗЫКА**

**ON THE QUESTION OF INTERACTION OF LEXICAL AND
GRAMMATICAL SEMANTICS AT THE LEVEL OF A LANGUAGE
SYSTEM.**

МАГФУРОВА С.О., канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: starmark@rambler.ru

МАКЛАКОВА Е.М., кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский институт (филиал) КФУ

E-mail: maklakovaevgenya@mail.ru

MUGFUROVA S., Associate Professor of Humanities, the University of Management «TISBI»

E-mail: starmark@rambler.ru

MAKLAKOVA E., Associate Professor of Foreign Languages Chair, Naberezhnye Chelny Institute (branch), Kazan Federal University

E-mail: maklakovaevgenya@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из центральных проблем современной лингвистики — проблема взаимодействия лексики и грамматики на уровне системного описания языка. В рамках теории лексической грамматики авторами исследуются механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики и принцип их совместимости в структуре слова как грамматически оформленного знака коммуникативной системы человека. В подтверждение правомерности данного подхода приводятся мнения и точки зрения отечественных исследователей относительно диалектической взаимосвязи формы и содержания в языке.

Abstract

The article discusses one of the central problems of modern linguistics, the problem of interaction between lexicon and grammar at the level of system description of the language. Within the theory of lexical grammar the authors have investigated the mechanism of interaction of lexical and grammatical semantics and the principle of compatibility in the structure of a word as grammatically decorated sign of a communication system. The opinions and viewpoints of Russian researchers regarding the dialectical relationship of form and content in language are referred to in confirmation of the legality of this approach.

Ключевые слова: слово, лексема, ЛСВ (лексико-семантический вариант), лексическое значение, грамматическое значение, дефектность

парадигмы, абстрактная лексическая семантика, конкретная лексическая семантика, теория лексической морфологии.

Key words: *the word, lexeme, LSV (lexical and semantic variant), lexical meaning, grammatical meaning, defections of paradigm, abstract lexical semantics, specific lexical semantics, the theory of lexical morphology.*

Аспект взаимодействия лексики и грамматики в системном описании языка относится к одной из центральных проблем современной лингвистики. Данная проблема имеет длительную научную традицию, но при этом она не стала менее актуальной в современных лингвистических исследованиях. Более того, ее актуальность обостряется тем, что не определены достаточно однозначно и непротиворечиво многие вопросы организации и содержания лексики и грамматики. Лексика и грамматика, будучи подсистемами в системе языка, располагают своими элементами, которые значимы и находятся в определенных взаимосвязях и взаимоотношениях между собой и в отношениях с действительностью. Поэтому не случайно исследованиям по взаимодействию лексики и грамматики предшествовали работы, в которых лексическая и грамматическая системы рассматривались изолированно друг от друга. Правомерность данного подхода объясняется тем, что лексика и грамматика имеют свою структурную организацию, свое содержание и свое функциональное назначение. Но в составе слова лексическое и грамматическое значения оказались настолько взаимосвязанными, что их разграничение достаточно условное, имеет, скорее, гносеологический характер, тогда как в онтологическом аспекте слово – это единство лексического и грамматического значений. По мнению В.В. Виноградова, «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо»[2, с. 18].

Мы исходим из наиболее традиционного определения языка как знаковой коммуникативной системы, служащей средством человеческого общения. Специфичность языка как естественной системы коммуникации подчеркнута в этом определении атрибутом «знаковая». Именно наличие знака оказывается тем элементом, который принципиально отличает язык от других естественных коммуникативных систем, прежде всего животных. Знак обеспечивает особый способ передачи информации, будучи включенным в коммуникативный сигнал, что обеспечивает его расчлененный характер, то есть высказывания человека – это коммуникативные единицы его речи, заполненные знаками. Правда, это не единственный способ передачи информации. Человек, наряду с расчлененными высказываниями, использует не членимые высказывания, по отношению к которым понятие знака или не знака оказывается нерелевантным. Поэтому не случайно подобного рода высказывания (предложения) имеют другой терминологический эквивалент – «слова-предложения». К числу таких

высказываний (или «аналогов высказываний», по выражению В.В. Виноградова) мы относим, в частности, междометия. Однако данный тип коммуникации не определяет специфику человеческого общения, поскольку именно нерасчлененный характер коммуникативных сигналов присущ животным, тогда как человек способен отразить действительность путем использования в высказываниях особых знаков – слов. Слово – это тот элемент коммуникативной системы человека, который и отличает язык (речь) человека от «языка» («речи») животных.

Признание за словом статуса языкового знака позволяет исключить из числа знаков морфемы и предложения. Морфема, согласно традиционному определению, представляет собой часть слова, то есть морфема не может претендовать на роль знака, поскольку оказывается не самостоятельным элементом: вне слова понятие морфемы нерелевантно. Морфема – это то, что отличает одно слово от другого в плане выражения. Но поскольку слова – это семантически наполненные знаки, то есть такие, которые аккумулируют и сохраняют определенные знания (информацию) о мире, то различия в плане выражения коррелируют с различиями в плане содержания – семемами. Единство морфем и семем и создает двусторонний характер слова как знака.

Что же касается предложения, то это «некая комбинация языковых знаков, комбинация, создаваемая по определенной модели в процессе «порождения» высказывания» [6, с. 30]. А точнее, это модель высказывания, заполняемая знаками (словами), т.е. предложение – это единица иного порядка, которую нельзя сравнивать со словом в рамках одной системы, поскольку они единицы разных подсистем. Слово передает номинативную информацию (аккумулируемую в понятии), а предложение – коммуникативную информацию. Знак не коммуникативен, он в большей степени связан с названием предметов и явлений действительности (номинация) или с указанием на них (дейксис).

Таким образом, слово – это единственный знак (в узком смысле) в языке.

Сравнение слова как языкового знака и знака вообще позволяет выявить в слове собственно знаковую семантику, которая составляет обязательный компонент его семантической структуры, и семантику собственно языковую, которая также связана с аккумулированием информации, предназначенной для передачи посредством коммуникативных моделей, но не является обязательным компонентом в семантической структуре слова, то есть может отсутствовать.

Собственно знаковая семантика – это предметно-понятийное (или денотативно-сигнификативное) содержание. Однако оно должно быть оформленным в соответствии с особенностями той субстанции, в которой проявляется (ср. язык и флажковая сигнальная система). Наиболее естественным способом оформления языкового знака является звуковое представление предметно-понятийного содержания. Но это только поверхностный способ его оформления, поскольку знаковое содержание слова обнаруживает не только звуковую (или графическую) форму его

представления, но и специфическую, собственно языковую – грамматическую. Поэтому минимальная семантическая структура слова как языкового знака выглядит следующим образом: (DS – Г), где D – денотат; S – сигнификат; Г – грамматика.

Грамматическое оформление свидетельствует о том, что мы имеем дело со словом. Слово – это грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленный знак коммуникативной системы человека, связанный с отражением и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем названия ее или указания и участвующий в передаче аккумулированной информации на правах самостоятельного элемента высказывания [8, с. 31].

Представление структуры слова как (DS–Г) позволяет закрепить за данными компонентами определенные типы значений, которые образуют в онтологическом плане единство, но в гносеологическом аспекте могут рассматриваться изолированно, поскольку связаны с передачей по своим каналам специфической информации и имеют определенную закрепленность в нашем языковом сознании. Сущность предметно-понятийного содержания определяет термин «лексическое значение слова», а грамматическая информация составляет сущность грамматического значения. Лексическое значение в большей степени сориентировано на связь с отражением предметов и явлений действительности, на их категоризацию, на концептуализацию мира. Кроме того, лексическое значение слова – это уже и факт языка, поскольку слово фиксирует связь языковой картины мира и концептуальной. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «в преддверии акта номинации должно находиться формирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации» [5, с. 43]. Поэтому лексическое значение объективируется в той или иной языковой форме, чтобы могло быть использовано носителями языка для общения. И такой формой слова оказывается грамматика. Так, В.В. Виноградов считал, что само определение лексических значений слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова [2, с. 34-35].

На наш взгляд, слово – это единство лексического и грамматического значений. И это единство присутствует всегда: будь то словоформа или лексема. Только в словоформе в большей степени актуализируется грамматическое значение, которое фиксируется и передается определенными языковыми средствами, прежде всего аффиксами. В лексеме же актуализируется лексическое значение, что находит отражение в словаре, где грамматическая информация передается в качестве помет, а, точнее, как парадигма форм. Поэтому грамматическое значение – это значение грамматической формы, а лексическое значение – значение лексемы. Лексема рассматривается нами как языковой знак, планом содержания которого является ЛСВ (лексико-семантический вариант), а планом выражения – звуковая оболочка (поверхностный план) и система грамматических форм с присущими им грамматическими значениями (глубинный план). Включение грамматических значений в план выражения

лексемы определяется относительным характером соотношения формы и содержания в языке, когда содержательные признаки словоформ, имеющие свои средства выражения, на другом уровне сами оказываются средством выражения содержательной сущности слова как лексемы. Эта содержательность квалифицируется как абстрактная лексическая семантика лексемы. Языковой механизм взаимодействия грамматических значений форм слова с абстрактной лексической семантикой слова-лексемы определяется принципом их совместимости. Если грамматическое значение формы не противоречит лексической семантике слова, то такая форма включается в план выражения лексемы, если же противоречит, то тогда данная форма с соответствующим грамматическим значением исключается из плана выражения лексемы.

Разграничение лексического и грамматического значений в структуре слова связано с разграничением понятий «лексема» и «форма слова». Если содержание языкового образования обусловлено его грамматическим функционированием и закреплено в грамматике в качестве члена грамматической категории, то это содержание имеет статус грамматического значения и присуще языковой форме слова-лексемы.

Лексема всегда реализуется в той или иной грамматической форме, тем самым обнаруживается единство лексического и грамматического значений. И это единство всегда предполагает определенный механизм их взаимодействия, сущность которого заключается в совместимости или несовместимости лексического и грамматического значений. Так, глагол «щетиниться» (усы щетинятся) по своей лексической семантике оказывается несовместимым с грамматическим значением формы 1-го лица, поскольку не характеризует «говорящие» предметы. Вследствие этого, лексема «щетиниться» не будет иметь в своем составе формы 1-го лица. В результате появляется возможность ответить на вопрос: почему одни лексемы имеют полный набор личных форм глагола, а другие – неполный. Иными словами, ответить на вопрос о функции и назначении парадигмы форм как таковой, как целостной грамматической единицы в структуре слова, понять, чем обусловлено отсутствие той или иной словоформы в составе парадигмы лексемы.

Ответ на последнюю часть вопроса был сформулирован еще Н.И. Гречем в 1830 г. в «Пространной русской грамматике», в которой он недостаточность глагола связывает с двумя причинами: во-первых, с формальной стороной глагола и, во-вторых, с лексическим значением глагола, когда недостаточность обусловлена семантическими причинами. Причем Н.И. Греч считал, что недостаточность, зависящая от смысла глагола, относится к лексикону, а не к грамматике [3].

В настоящее время получило широкое распространение понятие дефектности парадигмы, которая обусловлена тремя причинами: структурной, семантической и узуальной. Дефектность, связанная с узуальной и структурной причинами, характеризуется как случайная, а дефектность парадигмы, обусловленная семантическими причинами,

определяется как закономерная [7, с. 111]. В нашей статье рассматривается закономерная дефектность. Это значит, что парадигма форм выполняет лексическую функцию, являясь средством выражения лексической семантики, присущей классу слов, то есть средством выражения абстрактной лексической семантики, которая выявляется в оппозиции лексем, одна из которых имеет полный набор грамматических форм той или иной парадигмы, а другая – неполный. В результате обнаруживается та грамматическая форма, которая имеет непосредственное отношение к передаче лексической семантики и выполняет классифицирующую функцию. Например, все глаголы имеют форму 3-го лица, тогда как форма 1-го лица присуща не всем глагольным лексемам. А это значит, что именно форма 1-го лица, обозначая «действие говорящего», оказывается релевантной в разграничении двух классов слов: класса слов, обозначающих действие говорящего, то есть человека, и вследствие этого имеющих полную парадигму лица, и класса слов, обозначающих глагольный признак, присущий не человеку (животным, предметам и т.д.), в силу чего у них отсутствует форма 1-го лица.

Итак, механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики определяется принципом их совместимости: если грамматическое значение формы не противоречит лексической семантике слова, то такая форма включается в план выражения лексемы; если же противоречит, то тогда данная форма исключается из плана выражения лексемы. В результате мы находим ответ и на другой вопрос: каким образом семантика выражается через семантику? Речь идет о разных семантических уровнях. Грамматическое значение, присущее словоформе, имеет свои средства выражения, но, будучи элементом парадигмы слова, грамматическая форма с соответствующим ей грамматическим значением уже сама выступает в качестве средства выражения – лексической семантики. Именно в этом мы видим диалектическую взаимосвязь формы и содержания в языке, которую достаточно четко выразил С.Д. Кацнельсон: «То, что на одном уровне выступает как содержание, то на другом, более высоком, уровне проявляется как форма нового содержания. Относительность понятий формы и грамматического содержания сказывается в том, что формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и содержание» [4, с. 72].

Кроме того, анализируемый материал также показал разные различительные возможности абстрактной и конкретной лексической семантики слова в его структуре. Можно указать на 3 случая:

1. ЛСВ могут различаться как на уровне конкретной лексической семантики, так и на уровне абстрактной лексической семантики. Ср. «есть» в значении «принимать, поглощать пищу» и в значении «раздражать, разъедать (о дыме)», который на уровне абстрактной лексической семантики реализует семы «действия» (есть пищу: хлеб, кашу и т.п.) и «не действие» (дым ест глаза), о чем свидетельствует неспособность второго значения лексемы «есть» реализовывать императивные формы, а также формы 1-2-го лица.

2. ЛСВ могут не различаться на уровне абстрактной лексической семантики, но различаются на уровне конкретной лексической семантики,

т.е. функциональную нагрузку в разграничении значений несет конкретная лексическая семантика. Ср., например, разграничение значений леммы «пить»: 1) «глотаю, поглощать какую-либо жидкость» и 2) «употреблять спиртные напитки», которые на уровне функционирования основных грамматических категорий реализуют одну и ту же модель, выражающую абстрактную лексическую семантику предельного действия человека, которое направлено на объект с целью удовлетворения физиологической потребности в жидкости.

3. ЛСВ могут не различаться на уровне конкретной лексической семантики, но обнаруживают различие на уровне абстрактной лексической семантики. Так, значение «лечением восстанавливать здоровье, излечивать» глагола «лечить» в отношении гомического субъекта (врач лечит...) включается в сферу «действие», а в отношении негомического субъекта (конь лечит...) - в сферу «не действие» (биологическая жизнедеятельность).

Как показывает конкретный материал, различия в абстрактной лексической семантике при общности конкретной лексической семантики не всегда фиксируются словарями или отмечаются недостаточно последовательно.

Таким образом, многоаспектность развиваемых лингвистических теорий и методов раскрывает сложность задачи описания русского языка как полифункциональной системы, различные стороны которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, позволяет обосновать и реализовать на определенном языковом материале концепцию взаимодействия лексической и грамматической семантики. Согласно теории лексической морфологии грамматика выступает в качестве глубинного плана выражения лексической семантики и тем самым определяет уникальность содержания слова как языкового знака. Различия в лексической семантике обуславливают различия в грамматических характеристиках, что в своей сориентированности и совокупности определяет лексико-грамматическое пространство леммы в целом.

Литература:

1. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969. - С. 5-23.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). - М.: Высш. школа, 1972. - 614 с.
3. Греч Н.И. Пространная русская грамматика. - Т. 1. - СПб., 1830.
4. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М-Л.: Наука, 1965. - 372 с.
5. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: Наука, 1997. - 257 с.
6. Магфурова С.О. О взаимодействии лексики и грамматики на уровне системного описания языка // Основные тенденции развития русского языка:

лингвофилософский аспект: Сб. материалов Междунар. научн. конф. / Отв. ред. А.С. Малахов. - Владимир: ВГТУ, 2010. - С. 106-111.

7. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке / Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - С. 48-64.

8. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. - М.: Наука, 1980. - 292 с.

9. Шарандин А.Л. Лексическая грамматика в системе лингвистических парадигм конца XX века // Язык образования и образование языка. - В.Новгород, 2000. - С. 342-343.

10. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. - 209 с.

References:

1. Vinogradov V. On the interaction of lexical and semantic levels with the grammatical structure of the language/ Thoughts about the modern Russian language. - M.: Education, 1969. - Pp. 5-23.

2. Vinogradov V. Russian language (Grammatical doctrine of the word). - M.: Higher. school, 1972. - 614 p.

3. Grech N. Extensive Russian grammar. - SPb., 1830. - Vol. 1.

4. Katsnelson S. The content of a word, meaning and symbol. - M.-L.: Nauka, 1965. - 372 p.

5. Kubrakova E. Parts of speech from the cognitive point of view. - M.: Nauka, 1997. - 257 p.

6. Mugfurova S. The interaction between lexicon and grammar at the level of system description of a language // The main trends of the Russian language: linguistics and philosophy aspect: materials of the international scientific conference / A.Malakhov. - Vladimir: Vilnius Gediminas technical University, 2010. - Pp. 106-111.

7. Maslov Y. Type and lexical meaning of the verb in modern literary of Russian language // Maslov Y. Essays on Aspectology. - L.: Publishing house of the Leningrad state University, 1984. - Pp. 48-64.

8. Soboleva P. Derivational polysemy and homonymy. - M.: Nauka, 1980. - 292 p.

9. Sharandin A. Lexical grammar in the system of linguistic paradigms of the end of the 20th century // The Language of education and the education of language. - Novgorod the Great, 2000. - Pp. 342-343.

10. Sharandin A. Systematic categorization of the Russian verb. Publishing House of Tomsk state University, 2001. - 209 p.